

Е. Н. Данилова

Музей антропологии и этнографии им. Петра
Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8183-4810
E-mail: danilova@northarch.ru

Коми-ижемцы: предпринимательство как традиция

АННОТАЦИЯ. Исследование предпринимательства как традиции предполагает анализ и переосмысление известных фактов этнической истории коми-ижемцев с новой перспективы. Склонность к предприимчивости рассматривается через их мировосприятие, в котором выразителен мотив движения, пронизывающий как повседневную жизнь, так и культурные традиции. Фокусируясь на мотивах и механизмах, способствующих развитию среди ижемцев предприимчивости и торговли, автор подчеркивает их влияние на формирование идентичности и самобытности этого народа. С точки зрения культурного развития предприимчивость ижемцев и их способность адаптироваться к новым условиям стали драйверами успеха. Коми-ижемцы использовали свои навыки и знания для создания успешной хозяйственной модели, которая позволила им не только выжить, но и быть вполне успешными в условиях конкуренции. Ижемцы заняли значимую позицию в межэтническом разделении труда, которая дала им возможность сыграть важную роль во взаимоотношениях разного уровня и повлияла на мозаичность их культуры, — выступая в роли торговцев и посредников, они оказывались между различными народами, что способствовало обмену не только товарами, но и идеями, традициями, практиками. Торговцы создавали свои социальные сети, в которые включались представители различных этнических групп, между всеми участниками этого взаимодействия формировались устойчивые формы коммуникации. В работе подчеркивается важность межэтнических контактов и обмена опытом в процессе формирования новых экономических практик. В качестве перспективы дальнейших исследований очевидна необходимость более детального изучения археологических данных, поиска крупных планов персонажей этноистории, например в деятельностных схемах этнолидеров, а также анализа всех аспектов межкультурного взаимодействия.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А: изъватас, коми-ижемцы, межкультурные коммуникации, предприимчивость, торговля

Д Л Я Ц И Т И Р О В А Н И Я: Данилова Е. Н. Коми-ижемцы: предпринимательство как традиция. *Этнография*. 2024. 4 (26): 188–207. DOI: 10.31250/2618-8600-2024-4(26)-188-207

E. Danilova

Peter the Great Museum of Anthropology and
Ethnography (Kunstkamera) of the RAS
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-8183-4810
E-mail: danilova@northarch.ru

■ The Izvatas: Entrepreneurship as Tradition

ABSTRACT. This study examines entrepreneurship as a tradition by analyzing and reinterpreting well-known facts of the ethnic history of the Izhma-Komi people from a fresh perspective. The tendency towards entrepreneurship is viewed through their worldview, in which the motive of movement is expressed, permeating both everyday life and cultural traditions. It emphasizes the motives and mechanisms that fostered the development of entrepreneurship and trade among the Izvatas, highlighting their impact on the formation of the group's identity and cultural character. From a cultural development standpoint, the entrepreneurial spirit of the Izhma-Komi and their adaptability to new conditions were instrumental to their success. They leveraged their skills and knowledge to build a successful business model that enabled not only survival but also prosperity in a competitive environment. The Izvatas assumed a prominent role in the interethnic division of labor, which allowed them to play a vital role in interactions across various levels. This position also enriched their cultural mosaic — acting as merchants and intermediaries, they operated at the crossroads of diverse peoples, facilitating the exchange of goods as well as ideas, traditions, and practices. Through trade, they established social networks encompassing representatives from various ethnic groups, thereby fostering stable communication among them. The study underscores the importance of interethnic contacts and the exchange of experiences in developing new economic practices. Future research should consider archaeological findings, explore detailed narratives of ethnohistorical figures such as ethnoleaders, and investigate all aspects of intercultural interaction.

KEY WORDS: Izvatas, Izhma-Komi, inter-cultural communication, entrepreneurship, trade

FOR CITATION: Danilova E.
The Izvatas: Entrepreneurship as Tradition.
Etnografia. 2024. 4 (26): 188–207. (In Russian).
DOI: 10.31250/2618-8600-2024-4(26)-188-207

Коми-ижемцы, ижемцы (самоназвание — *изъватас*) — этническая группа коми народа, которая характеризуется отчетливой культурной спецификой, проявляющейся в хозяйственной специализации, диалектных особенностях языка и самосознании. В настоящее время ижемцы расселены на большом пространстве российского Севера — от Кольского полуострова на западе до Гыданского полуострова на востоке.

В научной литературе закрепилось мнение, что вопрос о происхождении ижемцев «решался совершенно правильно» уже в XVIII в. (см., например: Лашук 1958: 95; Жеребцов, Рожкин 2005: 8–9). Исследователи ссылаются на «Дневные записки» академика И. И. Лепехина, с именем которого связано начало научного, в том числе этнографического, изучения Коми края:

Ижма населена троякого племени народом: первые поселяне были Зыряне; народ сей был прежде того Чудь, но во времена Стефана Великопермского просвещен святым крещением; он обитал около реки Ижмы и в других местах Яренского уезда; обиды Козаков ходивших тогда через их жилища с Верхотурскою казною принудили их собраться во едино, и поселиться на сем месте. Потом в разные времена присовокупились к ним многие Российские семьи, вышедшие из Устьцылемской слободки, а некоторые из Самоедов принявших святое крещение. Все сии жители говорят по Зырянски (Лепехин 1805: 282–283).

Если мнение о формировании ижемцев как этнографической группы в ходе историко-культурных контактов зырян, северных русских поселенцев и ненцев не подвергается сомнению, то вопрос о времени возникновения первого поселения ижемцев в значительной степени сохраняет свою актуальность и сегодня. Наиболее часто цитируемая дата основания Ижемской слободки (до середины XVIII в. остававшейся единственным населенным пунктом на р. Ижма) — между 1575 и 1585 гг. Л. П. Лашук, обозначивший этот временной отрезок, ссылаясь на отсутствие сведений о поселении в платежной книге Пустозерской волости 1575 г. и появление их в писцовой книге 1608 г., учитывающей перепись 1585–1586 гг. (Лашук 1958: 97).

Для самих ижемцев все не так очевидно: нарративы о первоначальном заселении Ижмы полны загадок и даже тайн. Мне довелось услышать несколько историй, и все они в значительной степени удревняли появление ижемцев на данной территории. В них упоминались иранские связи; историческая граница Бьярмии; происхождение от чудских племен, населявших эти места с древности. В подтверждение последнего указывалось на наличие чудского компонента в ижемском языке и сохранившиеся топонимы (ПМА 2024).

Поиски корней побуждают местных жителей отправляться в архивы. Краевед Т. В. Артеева рассказала о находке в Архангельске документа,

в котором датой основания Ижмы указан 1400 г. Этим документом оказался исторический обзор Мезенского уезда за 1864 г.:

О времени основания русских населений местных сведений не имеется, напротив того между зырянами сохранились письменные заметки, из которых видно, что первое поселение зырян в Запечерском крае Мезенского уезда началось с 1400 года и окончилось в 1838 году. Так из слободы Глотовой Яренского уезда, расположенной на реке Ижме (очевидно ошибка. — Е. Д.), зыряне в 1400 году переселились в расстоянии 60 верст от впадения реки Ижмы в Печеру, где и образовалось Ижемское селение (ГААО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 83. Л. 1 об.).

Не углубляясь более в дискуссию о времени заселения Ижмы и не акцентируя внимание на конкретных датах и миграциях (тем более что эти вопросы уже получили достаточно подробное освещение в научной литературе), сосредоточимся на мотивах движения и механизмах взаимодействия, которые в своей совокупности повлияли на формирование самобытности коми-ижемцев.

В качестве одного из мотивов рассмотрим специфическую черту ижемцев — предприимчивость, истоки которой могут восходить еще ко временам Бьярмии. А. В. Головнёв, обратив внимание на сохранившееся (по данным К. Вилкуны) в восточно-финских диалектах значение «бродячий торговец» названий *bjarm-* и *permi*, предположил, что странствующими купцами в IX–XIII вв. могли быть предки коми, игравшие роль посредников на оживленных торговых путях между Скандинавией и Поволжьем. Соответственно, слово *бьярм* приобрело это значение именно благодаря заметному участию жителей «Крайней земли» в международной торговле на путях «в арабы» и «в бьярмы» (Головнёв 2009: 326).

ПРЕДПРИИМЧИВОСТЬ КАК ДРАЙВЕР КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Архангельский краевед М. Ф. Истомин в середине XIX в. отмечал наличие у ижемцев «особенной энергии во всех... поступках». Он описывал ижемцев как людей «весьма деятельных», обладающих предприимчивостью и смекалкой (Истомин 1865: 139).

Во время поездки по Печорскому краю в начале XX в. краевед Н. П. Белдыцкий вел дневник, который впоследствии лег в основу его очерка «Несколько дней среди ижемских зырян». В нем автор акцентирует внимание на скорости адаптации ижемцев к условиям жизни на Севере:

Ижемские зыряне не потерялись среди новой своей родины и быстро ориентировались в окружающей обстановке. Они прекрасно учли, что господином положения здесь окажется та народность, которая возьмет в свои руки

доминирующую роль в тундре. Всю свою энергию, всю врожденную способность к коммерции они вложили в достижение этой цели и достигли ее (Белдыцкий 1910б: 32).

Доминирующая роль в тундре предполагала наличие в хозяйственном комплексе оленеводства, которое как форма деятельности начало развиваться у ижемцев с XVII в. (Лашук 1958: 101). Однако становление оленеводства в качестве производящей отрасли произошло позднее. Исследователи предполагают, что этот процесс у коми и ненцев происходил в XVIII в. одновременно, на общей базе ненецкого транспортного оленеводства в условиях постоянных межэтнических контактов (Истомин и др. 2017: 115). К середине XIX в. оленеводство на Ижме стало «главнейшим источником народного продовольствия» и для многих семейств служило «исключительным занятием и богатством» — редкий из оленеводов имел менее 500 оленей (обычно — до 1 000), а у всех вместе насчитывалось около 100 000 голов (Истомин 1865: 136). При этом от других оленеводческих хозяйств ижемские отличались товарным характером.

В научной литературе имеется значительное количество работ, в которых так или иначе затрагиваются вопросы ижемского оленеводства (см., например: Конаков 1986; Истомин 2015; Истомин и др. 2017; Головнёв и др. 2018; Туров 2019; и др.). В своей статье я сосредоточусь на нескольких ключевых аспектах, важных для выбранного ракурса исследования.

В ряде исторических обзоров Печорского края XIX в. приводятся данные о том, что ижемцы построили свой успех на отнятых у ненцев промысловых угодьях, что, в свою очередь, стало одной из основных причин неблагополучия последних. В этих работах подчеркивалось, что ненцы в прошлом владели весьма крупными стадами оленей, впоследствии захваченными ижемцами (реже — русскими) посредством как обмана, так и открытого насилия. Более того, представители пришлого населения использовали склонность коренного к пьянству, ввозя в тундру алкогольные напитки и эксплуатируя пьяных ненцев (см., например: Шренк 1855; Иславин 1847; Максимов 1866: 41–46; и др.). Учитывая отсутствие у авторов достоверных исторических источников, подтверждающих масштаб оленеводства у ненцев до прихода в тундру иноэтничного населения, связь неблагоприятного экономического положения ненцев с миграцией в тундру ижемцев можно считать лишь гипотетической. Примечательным здесь является то, что ижемцы за относительно короткий срок смогли создать крупные стада, тогда как оленеводство ненцев не демонстрировало признаков роста. Явный контраст между быстрым успехом ижемцев и экономическим застоём ненцев, а также отдельные случаи обмана со стороны новых поселенцев, вероятно, способствовали формированию стереотипа об «эксплуатации». Стоит также отметить, что роль ижемцев в спаивании ненцев представлялась явно преувеличенной. В частности, в «Дневных

записках» И. И. Лепехина содержатся сведения о том, что, по сообщениям самих самоедов (речь идет о начале 1770-х гг.), в леса и тундру на продажу вино, табак и порох привозили русские (Лепехин 1805: 249). Сведения о торговле водкой есть и у С. В. Керцелли: «...водку привозят все торговцы: без водки они растеряют своих клиентов, называемых здесь “задатчиками”». Вместе с тем, отмечает он, «говорят, что спаивание и бессознательное обирание самоедов происходит еще по временам в глухих местах островов Колгуева и Вайгача», но известно, что на эти территории русские из Пустозерска ижемцев для торга не пускали (Керцелли 1911: 101–103).

Успех ижемцев определял иной фактор. Их культура формировалась в суровых климатических условиях, в разноэтничном окружении, и одним из способов их адаптации к внешней среде стала предприимчивость, а также высокая продуктивность и рационализация в использовании всех имеющихся ресурсов. Если для коренного ненецкого населения олень представлял собой не просто ресурс, из которого можно извлекать прибыль, а важнейший элемент повседневной жизни и культуры, то для ижемцев он служил средством достижения экономических целей:

Совсем иначе смотрит на оленя зырянин; для него оленеводство представляет предприятие, которое дает ему хороший, определенный доход. ...зырянин получает по меньшей мере по одному рублю дохода с каждого оленя и старается по возможности увеличить свое стадо и вести дело на рациональных началах (Энгельгард 1897: 244).

А. В. Головнёв, характеризуя ижемское оленеводство, употребляет словосочетание «товарный тундровый капитализм» (2018: 31), что подчеркивает предпринимательский характер ижемского оленеводства, включающего эффективное воспроизводство поголовья, рациональный пастбищеоборот, разветвленную торговлю, совмещение производственных задач и персональных интересов.

Для справки отмечу, что в настоящее время в Ижемском районе функционирует единственное оленеводческое предприятие — сельскохозяйственный производственный кооператив (СПК) «Колхоз “Ижемский оленевод и К^о”», в котором работают около 300 человек. В истории его создания интересны два момента, связанные с ижемской предприимчивостью. Во-первых, инициатором предприятия выступил один из этнолидеров — Яков Васильевич Канев (1953–2007), уроженец д. Диюр, который предложил интегрировать все совхозы в одно предприятие с целью сохранения оленеводческого хозяйства района как отрасли. Во-вторых, из соображений выгоды СПК зарегистрировали в Ненецком автономном округе (НАО):

По словам Якова Васильевича [Канева], бюджет НАО во многом формируется за счет добычи нефти на оленьих пастбищах, в том числе и на

закрепленных за ижемцами выпасах. Канев, взвесив все за и против, посоветовавшись со своими специалистами, выдвинул предложение — зарегистрировать СПК «Ижемский оленевод» в НАО. Пастухи и чумработницы поддержали инициативу председателя. Пришли с НАО к соглашению, что бюджет округа ежегодно будет дотировать 150 тонн произведенной СПК оленины в убойном весе, за каждый килограмм мяса в убойном весе будет платить дотацию сорок пять рублей (Хантазейский 2014: 46).

Они зарегистрировались в Нарьян-Маре, потому что там господдержка выше. Там сам округ поменьше — 40 тысяч населения. И они зарегистрировались лет 20 тому назад, когда с губернатором дружили. Это опять же говорит об ижемской предприимчивости, да? Они пасут оленей в тундре, где 50% земли Республики Коми, 50% — Ненецкого автономного округа, и они зарегистрировались в НАО. ...Все олени раньше были в совхозах. А пришел Яков Васильевич Канев. И он тоже такой хитрый. Он понимал в [19]90-е годы, что крупный рогатый скот убыточен, да? И он под шумок все это оленеводство забрал у всех и объединил в одно хозяйство. И оно стало рентабельным, потому что им же не надо строить фермы, да? Они на свежем воздухе, и есть пастбища (ПМА 2024).

Н. Д. Конаков и О. В. Котов, исследуя формирование этноареальных групп коми, сообщают, что для традиционного хозяйства коми не была характерна замкнутая система жизнеобеспечения и для балансировки отраслей всегда использовалась товарная продукция (Конаков, Котов 1991: 21–22). Поэтому, когда ижемцы интегрировали оленеводство в свою экономику, его рыночный характер уже был predetermined. В свою очередь, ориентир на рынок и необходимость оптимального выхода продукции определяли многие технологические черты отрасли: крупнотадность, высокую степень контроля стад, упорядоченность кочевок, массовый забой в зависимости от качества шкуры и мяса, переработку продуктов оленеводства. В производственном процессе применялась концепция безотходного производства, направленная на минимизацию отходов и максимальное использование всех ресурсов: ижемцы изготавливали из оленьего сала свечи и вместе с языком, волосом и рогом отправляли на Никольскую ярмарку (ПМА 2024); к тому же «из шерсти, полученной при очистке оленьей шкуры, набиваются иногда подушки» (Бартенев 1896: 46); также оленья шерсть идет на набивку дорогих матрасов, мебели, а в начале XX в. она пользовалась большим спросом на флоте (особенно английском) для изготовления спасательных кругов (Керцелли 1914: 10).

Одной из перспективных ключевых идей в контексте экономического и культурного развития ижемцев стало замшеделие. Устойчивое развитие крупнотадного оленеводства и увеличение объемов забоя в сочетании

со стремлением к безотходному производству способствовали инициированию ижемцами специальной выделки оленьих шкур и производству замши.

Замшеделы трудились в особых помещениях, которые располагались по обыкновению возле основного жилья и назывались *няр керка* — ‘замшевый дом’, ‘замшевая изба’ (ПМА 2024). Первые упоминания о таких избах в Ижемской волости относятся к 1770-м гг. В этот период в мастерских применялись простые технологии, позволявшие обрабатывать не более 100 шкур за сезон; получавшаяся замша имела сырой вид и не пользовалась большим спросом на рынке (Ижемское селение... 2024: 135). Предприимчивые ижемцы понимали, что для того, чтобы их замша могла конкурировать с более качественными изделиями, необходимо увеличить коммерческий потенциал продукции, обновив технологии обработки оленьих шкур.

Как постоянные участники торгов и ярмарок, ижемцы заметили, что лучшие изделия из замши привозят галичские купцы. В XVIII в. Галич был одним из ключевых центров кожевенного производства в Российской империи и имел репутацию производителя высококачественной замши. Выступив в роли предпринимателей в 1840-х гг., они стали выписывать специалистов из Галича, которые в течение нескольких лет передали свои знания и навыки местным мастерам (Керцелли 1914: 6–7).

Процесс выделки замши характеризовался простотой и минимальными затратами на оборудование. Он включал несколько этапов. Сначала с оленьих шкур с помощью острых ножей с прямым лезвием удалялась шерсть. Чтобы процедура прошла наиболее эффективно, перед бритьем шкуры смачивали, погружая их на короткое время в чан с водой или поливая, а затем складывали на 8–12 часов в теплое место большими кучами по 30–40 штук. При этом шкуры укладывались парами шерстью друг к другу для более эффективного нагрева. После удаления шерсти началась первичная чистка мездры, которая, стоит отметить, не выбрасывалась, а использовалась в качестве удобрения для полей. Затем шкуры помещали в раствор извести, после чего вновь выскабливали двуручными ножами. На следующем этапе очищенные шкуры пропитывали ворванью и подвергали механической обработке на мялках. Этот процесс повторялся до достижения необходимой степени мягкости замши. Завершающими этапами были высушивание, тщательное мытье щелоком, выветривание и повторное сушение. В некоторых случаях замша развешивалась на солнце для обесцвечивания (Энгельгардт 1897; Керцелли 1914; ПМА 2024).

Надо было суметь выделывать эту шкуру. И специальные люди были, которые в этих замшевых избах работали. Там было, конечно, сложно, потому что это же квасило все, это запах. Потом там жарко. И делали замшу высокого

качества. Ну, на этом они как бы и разбогатели. Потому что замшу же вывозили за пределы страны, в Европу. Магазины имели в Париже и в Лондоне наши. Даже крестьяне туда ездили. Есть фотографии семей Филипповых — они в городских одеждах, такие сидят красивые. У них семья, которая одна из первых начала заниматься. Вот результат. И дома такие могли себе позволить. Ну, знали уже себе цену-то, знали (ПМА 2024).

К середине XIX в., используя опыт и технологию галичских мастеров, ижемцы провели работы по изменению технологий производства замши и в очередной раз достигли успеха. Выделка замши в Архангельской губернии, по официальным сведениям, занимала первое место среди всех «рукодельных крестьянских ремесел» (Материалы... 1865: 186). М. Ф. Истомин в этот период отмечает у ижемцев до 30 «собственных заводов», продукция которых в значительном количестве вывозилась на ярмарки: «Никольскую в Пинеге, Сретенскую и Евдокиевскую в Шенкурске и его уезде, также в Архангельск, С[анкт]-Петербург, Каргополь, Галич и другие города России» (Истомин 1865: 136–137). По данным официальной статистики Архангельской губернии, в 1861 г. замшевым промыслом на Ижме (преимущественно в деревнях Ижемской, Ластинской, Сизябской, Злобской, в Мохченском селении) занимались 48 хозяев, которые выделывали замши на 38 тысяч рублей серебром (Материалы... 1865: 187).

Изменения не только помогли улучшить качество замши, но и обеспечили устойчивый рост отрасли, что в конечном счете укрепило позиции ижемского замшеделия на рынке. Ключевыми факторами быстрого развития стали установление прямых связей с поставщиками сырья и рынками сбыта, частичное привлечение наемных работников и внедрение разделения труда по операциям. Ижемские купцы скупали оленин шкуры для переработки не только в Печорском крае, но и у русских торговцев Пустозерской волости (Керцелли 1914: 9). В. В. Бартнев отмечал, что из Обдорска шкуры на Ижму отправлялись «целыми обозами» и вообще их скупка была главной операцией заезжих ижемских купцов (1896: 46). Переселившиеся на Кольский полуостров ижемцы первоначально отправляли шкуры для выделки на Ижму (ПМА 2019).

Анализ данных о производстве замши в Архангельской губернии на протяжении второй половины XIX — начала XX в. демонстрирует значительный рост как количества предприятий, так и объема производства. В 1861 г. в губернии функционировали 54 предприятия, из которых 48 находились на реке Ижме. Объем выделки замши достигал 39 000 рублей (Материалы... 1865: 187). К 1 января 1896 г. количество предприятий увеличилось до 64, а объем продукции возрос до 127 400 рублей (Энгельгард 1897: 250). За 35 лет объем производства увеличился более чем в три раза, что свидетельствует о развитии

технологий выделки замши и увеличении спроса на продукцию. В начале XX в. в Печорском крае, особенно в Красноборской, Ижемской и Мохченской волостях, наблюдается еще более выраженный рост: количество выделанных оленьих шкур достигало от 100 до 110 тысяч (Керцелли 1914: 8), а общая стоимость продукции составила 168 000 рублей (Зырянский мир... 2004: 179).

Динамичное увеличение объемов производства можно связать с расширением производственных мощностей, которое достигалось путем вовлечения все большего числа людей в данный промысел (чаще всего им занимались зимой в качестве дополнительной подработки). Организационное устройство предприятий частично напоминало рассеянную мануфактуру. Предприниматели, не являясь непосредственными производителями, осуществляли закупку сырых оленьих шкур, преимущественно через агентов-скупщиков, работавших с оленеводами. Закупленные шкуры распределялись для выделки среди мелких мастеров, а готовая замша затем реализовывалась чердынским и галицким купцам или же вывозилась непосредственно на ярмарки. Замшедельни в большинстве случаев представляли собой небольшие домашние предприятия, где трудились от двух до восьми человек, чаще всего — трое. Все работники в таких мастерских одновременно выступали в роли совладельцев и зачастую были родственниками. Это обстоятельство затрудняло точный учет количества мастерских, поскольку некоторые семьи могли в определенные годы не заниматься обработкой шкур, тогда как другие, наоборот, активизировали свою деятельность.

С. В. Керцелли, описывая замшевый промысел на Печоре в начале XX в., отмечал, что значительная доля производства замши сосредоточена в руках трех замшевиков, которые владели наиболее крупными «заводами». Однако основная масса сырья перераспределялась ими среди мелких ремесленников:

Один из таких торговцев-фабрикантов [А. Е.] Филиппов, занимающий в своем предприятии до 20–25 рабочих, в последние годы прекратил даже выделку замши, ограничившись только подготовительной операцией — бритьем шкур, чтобы меньше было возни с собиранием шерсти с мелких заводов. <...> На заводе [И. И.] Терентьева, с 25–30 рабочими, производятся все операции по выделке. Всего выделывают на его заводе, в зависимости от числа работающих, которое изменяется в разные годы, от 8 до 12 тысяч шкур. На третьем заводе [Ф. А.] Канева выделывают около 6 тысяч шкур (Керцелли 1914: 10).

Этот пример свидетельствует о существовании многоуровневой структуры производственных отношений у ижемцев. Данное распределение ресурсов указывает на важную роль мелкого производства в замшевом

промысле и подчеркивает сложность взаимодействия крупных и мелких производителей в экономике того времени.

Замша вывозилась за границу, оставшаяся оседала в Москве. Основными конкурентами печорской оленьей замши была французская — из шкур алжирских баранов и африканских антилоп (Керцелли 1914: 19).

Промысел был экономически выгоден, для него использовались доступные материалы (известь, ворвань, зола, дрова), да и сам процесс обработки в кустарных мастерских обходился дешево. В 1896 г. затраты на выделку одной шкурки составляли около 7 копеек, в то время как общая стоимость выделки варьировала от 25 до 30 копеек. Готовая замша продавалась по цене примерно 2 рубля за шкуру (Энгельгард 1897: 250), что указывает на высокую рыночную ценность продукта и возможность получения значительной прибыли. По сравнению с данными за 1861 г., когда за оленьи шкуры платили до 1,5 рублей за штуку, а затраты на выделку составляли до 15 копеек (Материалы... 1865: 187), стоимость готового продукта значительно возросла, что также свидетельствует о росте спроса на замшу и ее ценности в производственной цепочке. В 1912 г. цена за выделанную шкуру достигла 8 рублей 50 копеек (Керцелли 1914: 19), что подчеркивает дальнейший рост маржинальности данного промысла. Увеличение цен на готовую продукцию в сочетании с относительно низкими затратами на выделку создавало привлекательные условия для производителей-ижемцев. Они могли позволить себе купить в Москве трехэтажный дом (Хантазейский 2014: 7) и содержать магазин (Керцелли 1914).

Несмотря на высокую маржинальность замшевого промысла, в течение продолжительного времени во всей Архангельской губернии он оставался сосредоточенным в руках ижемцев, которые контролировали закупку основного объема сырья от Кольского полуострова до Обдорска. Попытки создания крупного механизированного завода по производству замши на территории Ижмы не увенчались успехом (Ижемское селение... 2024: 137–138). Состоятельные оленеводы активно скупали сырье, передавая его в обработку мелким ремесленникам, что способствовало сохранению налаженной структуры производства и распределению ресурсов в данной отрасли.

В Ижемском крае до 1920-х гг. было довольно много состоятельных людей, которые зачастую выступали не только как предприниматели, но и как носители прогрессивных идей: финансировали образовательные учреждения, развивали инфраструктуру, занимались благотворительностью. Например, уже дважды упоминавшегося Алексея Егоровича Филиппова хорошо помнят на Ижме и сегодня. Рассказывают, что он имел четырехтысячное стадо, был хватким предпринимателем и интересовался техникой. Вместе со своим братом он установил в Ижме паровую

мельницу, а на свой замшевый завод поставил шведский двигатель и механизировал мялку (ПМА 2024).

А. Е. Филиппов вознамерился построить дорогу на Щельяюр, по которой летом можно было бы проехать на телеге. Вместе со своим компаньоном, старшиной волости Василием Поповым, на свои средства они прорубили просеку, убрали пни, в сырых местах настелили бревна. Но начатое дело закончить не успели. Дорогу построили уже в советское время. Компаньоны выступили также доверенными по рубке просеки и заготовке опор для телеграфной линии Усть-Цильма — Ижма и строительству дома для почтово-телеграфных служащих в Ижме. Благодаря им в 1902 году в Ижме заработал телеграф (Хантазейский 2014: 7).

О состоятельности ижемцев говорят частично сохранившиеся до настоящего времени двухэтажные бревенчатые дома из отборной древесины. Только в Диюре было построено 27 таких домов, в Сизябске — 84, а всего на Ижме их было около 300, и каждый из них носил свое имя по прозвищу хозяина-домовладельца. Построить большой дом могли себе позволить и работающие в найме: например, известен случай, когда молодые Дюдь Прока и Софья год работали у Филат Карпа и на заработанные деньги купили сруб двухэтажного дома и достроили его. Этот дом — «Дюдь Прока керка» (разобран в 1964 г.) был первым в Диюре с «белой» баней. Сам же Филат Карп (Ануфриев Поликарп Феофилович, 1866 г. р.) жил в двухэтажном доме длиной 18 метров, который и сегодня украшает поселение (ПМА 2024).

В завершение рассказа об ижемской предприимчивости следует отметить, что их хваткость и восприимчивость к культурным новшествам касались не только оленеводства. Один из показательных примеров приводят С. В. Максимов и Н. П. Белдыцкий: когда на севере России наблюдались массовые выступления против принуждения к посадке картофеля, известные как картофельные бунты, ижемцы проявили инициативу, сами добыли семена, занялись разведением овоща и затем ввели в общее употребление по всей Печоре (Максимов 1890: 510; Белдыцкий 1910б: 37). При этом для любой изготавливаемой продукции у них были высокие стандарты. В XVIII в., как свидетельствует И. И. Лепехин, местное коровье масло отличали выдающиеся вкусовые качества: «...масло коровье вкусом изрядное» (1805: 283). В середине XIX в. М. Ф. Истомин также подчеркивал уникальность ижемской молочной продукции, отмечая, что «ни в одном месте Архангельской губернии не приготавливается столь вкусное молоко и масло, как в Ижме, изобильной сочною и самую лучшею травую», добавляя, что местные сыры могли бы соперничать с голландскими, если бы не трудности со сбытом (Истомин 1865: 137). Традиции молочного производства сохраняются и сегодня: приезжающие в гости

«ямальские бабушки» в качестве гостинцев везут домой местные молочные изделия — сливки, творог и сыр, подчеркивая: «...такого, как здесь, не попробуешь» (ПМА 2024).

Предприимчивость ижемцев — результат сочетания исторических традиций, культурных особенностей, экономических вызовов и климатических условий: все эти факторы создавали уникальную среду для постоянного поиска самых разных возможностей. Надо сказать, что эту черту народу удалось сохранить и сегодня, и наряду с прочим она проявляется в практиках использования своего этнокультурного потенциала (Данилова 2023а), локальных инициативных проектах (Данилова 2023б: 325–327), развитии агро- и этнотуризма (ПМА 2024).

РОЛЬ В МЕЖЭТНИЧЕСКОМ РАЗДЕЛЕНИИ ТРУДА, ИЛИ КЛЮЧ К УСПЕХУ

Если рассматривать пространство коммуникаций на российском Севере с точки зрения распределения между народами этнокультурных ниш и ролей, то, пожалуй, ижемцы заняли в нем особое место. Они проявили себя как торговцы и как посредники между различными этническими группами, выступили катализатором межэтнических связей, способствуя экономической интеграции, культурному обмену и социальному взаимодействию. Ижемцам удалось занять такое место в социальной структуре «этноценоза»¹, которое обеспечивало им выгодный обмен ресурсами и помогало добиваться больших успехов.

Зыряне очень энергичный, предприимчивый и работающий народ. Большинство из них знает какое-нибудь ремесло; среди них много плотников, есть столяры, кузнецы, печники. Главный же их конек — это торговля. Зырян зовут часто «северными жидами», и они отчасти оправдывают свое прозвание. «Народ-эксперт», как выражаются в Обдорске о зырянах, характеризуют их пронырливость. Но к еврейской пронырливости у зырян присоединяется еще любовь и способность к тяжелому физическому труду (Бартенев 1896: 37).

«Еще в старину пролегал через Ижму торговый и государственный путь в Сибирь», — пишет М. Ф. Истомин и ссылается на грамоту «Царя Михаила Феодоровича, данную 5-го апреля 7134 (1626) года

¹ По А. В. Головнёву (2023), понятие «этноценоз» используется для описания взаимодействующих друг с другом этнических групп и подразумевает сложноорганизованное сообщество, где народы и их группы обладают самобытностью и занимают собственные пространственные и функциональные ниши. Они различаются опытом экосоциальной адаптации, стратегией этнического поведения и этнокультурным потенциалом. В зависимости от расселения, численности, сплоченности, культурно-хозяйственной специализации, религиозной традиции, языкового поведения и других особенностей народы играют свои роли в «этноценозе».

Пустозерскому воеводе Гурию Волынцову, по жалобе ижемцев» (1865: 137). Согласно историческим источникам, в XVII в. Ижемская слободка, наряду с другими населенными пунктами, расположенными на торговых путях, становится местом скупки для приезжих купцов мягкой рухляди:

...в 1646 г. у промышленников в Ижемской слободке были закуплены 801 соболь, 1840 пупков собольих и 100 собольих хвостов на общую сумму 260,5 р. Сделку произвели 7 скупщиков, среди которых были приказчики трех представителей гостиной сотни. Из них самую крупную партию пушнины (613 соболей, 82 пупка и 100 собольих хвостов, всего на 116 р.) приобрел гостиной сотни торговый человек В. Федотов (Павлина 2014).

Сеть экономических связей ижемцев XVIII в. и их активное участие в региональной торговле демонстрирует И. Лепехин, который, в частности, упоминает, что к ним приезжают торговцы из Яренска, Мезени, Пинеги, Архангельска, а иногда даже из Москвы и Вологды. Кроме того, «ижемцы производят торговлю с самоедами меною. При отходе на промыслы одоужают они самоедов хлебными припасами, за что по возвращении их получают мягкую рухлядь и рыбу»; рыбу также ловят в Усе и меняют ее на хлеб яренчанам, а говяжье сало и коровье масло меняют на деньги приезжающим из Архангельска купцам (1805: 283). В XIX в. по уровню достатка торговцы на Ижме шли после оленеводов:

Крупные — свои товары закупают в Москве и на ярмарках в городах Архангельской губернии; мелкие же, которые составляют весьма многочисленную группу, товар забирают у крупных торговцев и чердынцев. Они маклачат решительно всем и держат население в своих цепких руках (Белдыцкий 1910а: 12–13).

Основными предметами торговли ижемцев на ярмарках являлись несколько категорий товаров. Продукция рыболовства — семга, нельма, караси, щуки, сига, пеляди, чирь, омули, выловленные в реках Печоре и Усе, а также в озерах Большеземельской тундры. Пушные товары — лисица, куница, горностай, белка, песок, в значительной степени привозимые из-за Урала. Продукты оленеводства — шерсть, шкуры и др. Дичь — рябчики, тетерева, утки, а особенно гуси, их перья и пух. Женщины «отлично вяжут из шерсти перчатки и чулки, которые по весне продаются в Архангельске, под именем Красноборских, довольно дорого, потому что привозятся уже перекупными от чердынцев» (Истомин 1865: 136–137, 139). В Обдорск ижемские торговцы привозили «разного рода товары: топоры ижемской работы, которые считаются очень хорошими для рубки дров, особенно зимой, ящики для нарт, в которых кочевники возят свое имущество, арканы (называемые в Обдорске по-остяцки:

тынзян), плетенные из коровьих ремней, разного рода деревянную посуду. Но главная операция их — это поставка оленьего мяса для Обдорска» (Бартенев 1896: 37).

Крупные торговцы придавали большое значение организации своей торговой деятельности, как, например, братья Филипповы. Алексей Егорович в Ижме управлял несколькими торговыми точками, включая лавку, специализирующуюся на продаже муки и колониальных товаров, а также отдельный магазин табачных изделий. В дополнение к этому он владел семью заведениями, занимавшимися продажей спиртных напитков, среди которых были три оптовых склада, расположенных в Ижме, Усть-Цильме и Оксино, ренсковый погреб в Ижме и питейные заведения в населенных пунктах Бакур, Сизябск и Мохча. А его брат, Федор Егорович, являлся владельцем лавки и двух амбаров, где хранились мука и «колониальные товары» (Хантазейский 2014: 7; ПМА 2024).

Для истории не редкость, когда участники торговых отношений, стремясь к максимизации своей выгоды, прибегали к различным стратегиям и приемам, включая элементы хитрости и манипуляции. По рассказам, местные торговцы наблюдали за более опытными участниками рынка (чаще всего за чердынскими купцами), а потом перенимали их методы ведения торговли:

У нас по Печоре чердынские купцы плавали. Они же через Ижму привозили товар, но они же как торговали-то? Кто принес свою продукцию, они напоят его сначала и там разговаривают, какую цену дадут, по такой цене у всех все и закупали. Они же очень хитрые были, эти чердынцы-то. Либо, например, возьмут у них подешевле, да и потом везут дальше продавать. А тот товар, который они привезли, дадут как бы под роспись, ну, ладно, потом заплатишь, а? Пока съездят вниз и обратно придут. У них эта цена выросла, и они уже другую сумму запрашивают. Ну, как бы, ну, хитрили. Ну, а наши-то потом тоже научились. Откуда они научились торговать-то, тоже так вот хитрить иногда для себя-то? Ну, естественно, потому что торговля-то без хитрости никак. И вот начали сами ездить, торговать. Если зима приходит, они прямо стадо гнали, например, в южные районы. Там большая ярмарка Афанасьевская. Пригнали стада, стада тысячные. И не близко к этому, к населенному пункту, а как бы подальше, ну, и их ждут, когда они приедут. Они привозят мясо, рыбу, одежду, теплый мех, ну, там все такое, то, что у нас есть. И они обеспечивали мясом очень многих. И, естественно, был обмен, они продавали свое и оттуда вывозили уже и сахар, и муку. Потому что туда, вот на эту Афанасьевскую ярмарку, приезжали многие. Там общая такая большая ярмарка была, она, естественно, была не один день. И про ижемцев там еще так говорят: ижемцы хитрые, хитрые ижемцы. Ну, так их и называли. Привез он, значит, рыбу, по одной цене сегодня продал, хорошо пошло. На следующий день привез рыбу, уже подороже, и говорит, это не моя рыба, это я у соседа

продаю. Хотя это его рыба, а он говорит, нет, это не моя рыба, поэтому я не могу по той цене продать, как вчера. Ну, как бы таким вот образом вот они и торговали. Ну, их очень сильно ждали, потому что они действительно очень много привозили мяса. А олени были жирные, потому что они старались с выпасом — пасли оленей так, чтобы их можно было нормально продать, и нормально как бы и поесть самим. Потому что выпас был продуман. Это тоже немаловажно (ПИМА 2024).

Торговля помогала ижемцам осваивать пространство: «...в Обдорск зыряне приезжали сначала для торговли, а потом стали селиться для постоянного жительства» (Бартенев 1896: 36). Исследователи сообщают и более ранние сведения о торговле коми за Уралом, в частности об их участии в походах русских дружин «за мягкой рухлядью» XV в. (Жеребцов 1982: 158). Н. А. Повод в работе, посвященной социокультурной адаптации коми Северного Зауралья, отмечает, что переселения коми в Сибирь «для постоянного жительства были подготовлены длительной практикой торговых отношений и промысловых походов за Урал коми охотников», а само переселение обуславливалось первоначально временным проживанием торговцев и промышленников, а затем оседанием их в качестве служилых людей (2006: 47).

Ижемцы заняли значимую позицию в межэтническом разделении труда, которая не только позволила им сыграть важную роль во взаимоотношениях разного уровня, но и повлияла на мозаичность их культуры — выступая в роли посредников, они оказывались между различными народами, что способствовало обмену не только товарами, но и идеями, традициями, практиками. Торговцы создавали свои социальные сети, в которые включались представители различных этнических групп, и между ними формировались устойчивые формы коммуникации.

Представленные в статье сюжеты иллюстрируют, как предприимчивость и торговля повлияли на формирование самобытности коми-ижемцев. Современная эклектичность их культуры, которая зачастую рассматривается как череда бесконечных заимствований, является результатом освоения ижемцами пространства коммуникаций и перестраивания культуры посредством практичного обогащения ее новыми элементами. В этом контексте одним из основных драйверов развития стала предприимчивость, истоки которой можно искать в более ранних периодах истории. Именно предприимчивость позволила ижемцам не раствориться в других культурах, а, наоборот, заимствовать и преобразовывать нужные навыки и практики для адаптации в условиях северной среды и ограниченных ресурсов.

Предпринимательский подход стал важным фактором успеха в сложном и конкурентном контексте оленеводческой деятельности. Ижемских оленеводов отличали от других оленеводческих хозяйств товарный характер деятельности, высокий уровень коммерциализации и организации производства. Инициатива замшеделия отвечала требованиям рационального использования природных ресурсов и способствовала формированию новых экономических практик и культурных традиций. Заняв нишу торговцев в межэтническом разделении труда, ижемцы выступили посредниками между разными народами, а знание других языков позволяло им грамотно выстраивать торговые сети. Такое положение дел способствовало обмену не только товарами, но и идеями, традициями и практиками.

Иначе расставленные акценты могут послужить началом нового исследования, в котором поиск истоков самобытности культуры коми-ижемцев, а также причин их расселения на большом пространстве Севера следует искать не только в природных условиях, но и в личных мотивах людей и особенностях коммуникации. И здесь в качестве перспективы дальнейших изысканий очевидна необходимость более детального изучения археологических данных, поиска крупных планов исторических персонажей, например в деятельностных схемах этнолидеров, а также анализа всех аспектов межкультурного взаимодействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ПМА 2019 — полевые материалы автора из экспедиции в Мурманскую область, сентябрь–октябрь 2019 г.

ПМА 2024 — полевые материалы автора из экспедиции в Ижемский район Республики Коми, июль 2024 г.

Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 6. Оп. 17. [Управленческая. Исторические обзоры Архангельской губернии. Крайние даты документов: 1728–1903 гг.]. Д. 83.

Бартенев В. В. На крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края. СПб.: Типо-лит. М. П. Пайкина, 1896. 154 с.

Белдыцкий Н. П. Несколько дней среди Ижемских зырян // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1910а. № 23. С. 3–16.

Белдыцкий Н. П. Несколько дней среди Ижемских зырян // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1910б. № 24. С. 29–37.

Головнёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009. 496 с.

Головнёв А. В. Кочевники Арктики: искусство движения // Этнография. 2018. № 2. С. 6–25.

Головнёв А. В. Этногенез как пасьянс: о происхождении самодийцев и угров // Этнография. 2023. № 3 (21). С. 6–44.

Головинёв А. В., Куканов Д. А., Первалова Е. В. Арктика: атлас кочевых технологий. СПб.: МАЭ РАН, 2018. 352 с.

Данилова Е. Н. Этнокультурное наследие изъеватас: современное осмысление и перспектива актуализации // Этнография. 2023а. № 1 (19). С. 120–138.

Данилова Е. Н. Anthropology of food в панораме Кольского Заполярья // Вестник угро-ведения. 2023б. Т. 13, № 2. С. 324–333.

Жеребцов И. Л., Рожкин Е. Н. Этнодемографические процессы в Коми Крае (XI — начало XX века). Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории; Коми НЦ УрО РАН, 2005. 376 с.

Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения Коми с соседними народами (X — начало XX в.). М.: Наука, 1982. 224 с.

Зырянский мир. Очерки о традиционной культуре коми народа. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. 432 с.

Ижемское селение. Страницы истории / сост. Т. В. Артеева, А. П. Артеева. Ижма: [б. и.], 2024. 200 с.

Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб.: Тип. М-ва гос. имущества, 1847. 142 с.

Истомин К. В. Кочевая мобильность коми-ижемских оленеводов: Снегоходная революция и рыночная реставрация // Уральский исторический вестник. 2015. № 2 (47). С. 17–25.

Истомин М. Ф. Ижма // Архангельский сборник, или Материалы для подробного описания Архангельской губернии, собранные из отдельных статей, помещенных в разное время в Архангельских губернских ведомостях: в 6 ч. Архангельск: Губ. тип., 1865. Ч. 1, кн. 2. С. 129–140.

Истомин К. В., Лискевич К. В., Уляшев О. И. Коми-ижемское оленеводство: этнические инварианты и локальные вариации // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 4 (39). С. 114–125.

Керцелли С. В. По большеземельской тундре с кочевниками. Архангельск: Губ. тип., 1911. 116 с.

Керцелли С. В. Производство оленьей замши на Печоре. СПб.: тип. М. Меркушева, 1914. 34 с.

Конаков Н. Д. Становление крупнотабунного оленеводства на Кольском полуострове // Традиции и современность в культуре сельского населения Коми АССР. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1986. С. 42–56. (Труды Института языка, литературы и истории / Коми фил. АН СССР; вып. 37).

Конаков Н. Д., Котов О. В. Этноареальные группы коми: Формирование и современное этнокультурное состояние. М.: Наука, 1991. 232 с.

Лашук Л. П. Очерк этнической истории Печорского края (Опыт историко-этнографического исследования). Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. 200 с.

Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. СПб.: Имп. Академия наук, 1805. Ч. 4: Путешествия академика Ивана Лепехина в 1772 году. 458 с.

Максимов С. В. Край крещеного света II. Дремучие леса, или Рассказ о диких народах, населяющих русские леса. СПб.: Т-во «Общественная польза», 1866. 75 с.

Максимов С. В. Год на Севере. 4-е изд., доп. М.: Изд. П. К. Прянишникова, 1890. 698 с. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Архангельская губерния. Составил Генерального штаба капитан Н. Козлов. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1865. 342 с.

Павлина Т. В. Таможенное дело и развитие торговли в Коми крае в конце XVI — середине XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2014.

Повод Н. А. Коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX в.). Новосибирск: Наука, 2006. 272 с.

Туров С. В. К вопросу об экологических аспектах оленеводства коми-ижемцев Северного Зауралья (XIX — первая треть XX века) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 172–178.

Хантазейский Н. Люди Ижемского края. Ижевск: КнигоГрад, 2014. 204 с.

Шренк А. И. Путешествие к северо-востоку европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам, предпринятое по высочайшему повелению в 1837 году Александром Шренком. СПб.: Тип. Григория Трусова, 1855. 665 с.

Энгельгардт А. П. Русский Север. Путевые записки. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1897. 262 с.

REFERENCES

Danilova E. N. [Ethnocultural Heritage of the Izvatas: Contemporary Understanding and Actualization Perspective]. *Etnografia*, 2023, no. 1 (19), pp. 120–138. (In Russian).

Danilova E. N. [Anthropology of food in the panorama of the Kola Polar Region]. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studies], 2023, vol. 13, no. 2 (53), pp. 324–333. (In Russian).

Golovnev A. V. *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoi Evrazii)* [Anthropology of movement (Antiquities of Northern Eurasia)]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ.; Volot Publ., 2009, 496 p. (In Russian).

Golovnev A. V. [Arctic nomads: the art of movement]. *Etnografia*, 2018, no. 2, pp. 6–25. (In Russian).

Golovnev A. V. [Ethnogenesis as solitaire game: On the origin of Samoyeds and Ugrians]. *Etnografia*, 2023, no. 3 (21), pp. 6–44. (In Russian).

Golovnev A. V., Kukanov D. A., Perevalova E. V. *Arktika: atlas kochevykh tekhnologii* [Arctic: Atlas of nomadic technologies]. St. Petersburg: MAE RAN Publ., 2018, 352 p. (In Russian).

Istomin K. V. [Nomadic mobility of the Komi-Izhem herders: snowmobile revolution and market restoration]. *Ural'skij istoriceski vestnik* [Ural Historical Journal], 2015, no. 2 (47), pp. 17–25. (In Russian).

Istomin K. V., Liskevich K. V., Ulyashev O. I. [Izhma-Komi reindeer herding: ethnic invariants and local variations]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2017, no. 4 (39), pp. 114–125. (In Russian).

Izhemskoye seleniye. Stranitsy istorii [Izhma settlement. Pages of history]. Izhma: [S. n.], 2024, 200 p. (In Russian).

Konakov N. D. [Formation of large-herd reindeer herding on the Kola Peninsula]. *Traditsii i sovremennost' v kul'ture sel'skogo naseleniya Komi ASSR* [Traditions and modernity in the culture

of the rural population of the Komi ASSR]. Syktyvkar: Komi filial AN SSSR Publ., 1986, pp. 42–56. (Proceedings of the Institute of Language, Literature and History / Komi Branch of the USSR Academy of Sciences; iss. 37). (In Russian).

Konakov N. D., Kotov O. V. *Etnoarealnye gruppy komi: formirovanie i sovremennoe sostoyanie* [Ethno-areal groups Komi: formation and the current state]. Moscow: Nauka Publ., 1991, 232 p. (In Russian).

Lashuk L. P. *Ocherk etnicheskoy istorii Pechorskogo Kraya* [Essay on the ethnic history of the Pechora area]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatelstvo Publ., 1958, 200 p. (In Russian).

Pavlina T. V. *Tamozhennoye delo i razvitiye trgovli v Komi kraye v kontse 16 — seredine 18 veka: kand. dis.* [Customs and trade development in the Komi region in the late 16th — mid-18th century: Diss. Cand.]. Moscow, 2014. (In Russian).

Povod N. A. *Komi Severnogo Zaural'ya (19 — pervaya chetvert' 20 v.)* [Komi of the Northern Trans-Urals (19th — first quarter of the 20th century)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2006, 272 p.

Turov S. V. [Environmental aspects of reindeer husbandry of the Izhma Komi of Northern Trans-Urals (the 19th — the first third of the 20th centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2019, no. 448, pp. 172–178. (In Russian).

Zherebtsov I. L., Rozhkin E. N. *Etnodemograficheskiye protsessy v Komi Kraye (11 — nachalo 20 v.)* [Ethnodemographic processes in the Komi Territory (11th — early 20th century)]. Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii; Komi NTs UrO RAN Publ., 2005. 376 p.

Zherebtsov L. N. *Istoriko-kul'turnyye vzaimootnosheniya Komi s sosednimi narodami (10 — nachalo 20 v.)* [Historical and cultural relationships of Komi with neighboring peoples (10th — early 20th century)]. Moscow: Nauka Publ., 1982, 224 p. (In Russian).

Zyryanskiy mir. Ocherki o traditsionnoy kul'ture komi naroda [World of zyryans. Essays on the traditional culture of the Komi people]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatel'stvo Publ., 2004, 432 p. (In Russian).

Submitted: 25.07.2024

Accepted: 20.09.2024

Article published: 31.12.2024